

БИБЛИОТЕКА ГУМАНИТАРНОГО ФАКУЛЬТЕТА СИБГТУ

Выпуск 1

**ЭТИКА, ПОЭТИКА,
МЕТАФИЗИКА СОЗНАНИЯ:
ОПЫТ ФИЛОСОФСКОГО
СМЫСЛОПОЛАГАНИЯ**

Красноярск 2011

УДК 17+130.2+165.12

Этика, поэтика, метафизика сознания: опыт философского смыслополагания:
коллективная монография / Отв. ред. Е.Н. Викторук. – Вып. 1. – Красноярск: СибГТУ,
2011. – 212 с.

ISBN

Рецензенты: *Копцева Наталья Петровна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии, декан факультета искусствоведения и культурологии Гуманитарного института Сибирского федерального университета*

Круглов Виктор Леонидович, доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и общих дисциплин, проректор по учебной работе Красноярской государственной академии музыки и театра

Ответственный редактор: доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии СибГТУ Е.Н. Викторук

Редакционный совет:

Е.А. Викторук	<i>кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой политологии и права, декан гуманитарного факультета Сибирского государственного технологического университета;</i>
Е.Н. Викторук	<i>доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии Сибирского государственного технологического университета;</i>
В.П. Махонина	<i>кандидат философских наук, доцент кафедры философии Сибирского государственного технологического университета;</i>
А.С. Черняева	<i>кандидат философских наук, доцент кафедры философии Сибирского государственного технологического университета;</i>
С.А. Яровенко	<i>кандидат философских наук, доцент кафедры философии Сибирского государственного технологического университета.</i>

В монографии представлены научные работы преподавательского коллектива кафедры философии Сибирского государственного технологического университета (г. Красноярск), отражающие как направление личного научного поиска авторов, так и общее исследовательское пространство теоретических разработок кафедры как субъекта научного творчества.

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом СибГТУ

© ГОУ ВПО «Сибирский государственный
технологический университет», 2011

© Викторук Е.Н. и др., 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

В ситуации реформы системы образования отечественная академическая философия находится в точке бифуркации – изменения, судьбоносного выбора путей дальнейшего развития. Но как бы ни сложились судьбы отечественной вузовской философии, необходимо помнить о том, что *Философия* – это, прежде всего, люди, преподаватели высшей школы.

Не секрет, что наряду с основными функциями и задачами организации учебного процесса преподавателям в современных вузах приходится вести дополнительную учебно-методическую работу, связанную именно с реформой образования, введением новых образовательных стандартов, разделением ступеней бакалавриата и магистратуры (разработка рабочих программ, учебно-методических комплексов дисциплин и т.п.). Но никогда, несмотря на интенсивную академическую и учебно-методическую нагрузку, те, чья жизнь связана с работой в системе высшего образования, не прекращали свой творческий поиск, теоретические исследования. Исследовательская работа преподавателей высшей школы – это внутренняя потребность, средство самоактуализации, личностного роста.

Подтверждением этого и служит предлагаемый читателям первый выпуск коллективной монографии, обобщающей и репрезентующей опыт научного творчества преподавателей кафедры философии Сибирского государственного технологического университета.

Данное издание включает объединенные общим проблемным ядром материалы монографий и статьи, изданные за последние годы в различных философских журналах, альманахах, сборниках материалов научных конференций. Индивидуальные направления исследований авторов коллективной монографии структурно организованы в тематические блоки «Этика», «Поэтика», «Метафизика сознания», пронизанные смысловым единством.

Создатели коллективной монографии – кафедра как субъект творчества – заявляют о себе как об активном субъекте философского смыслополагания и предлагают читателю познакомиться с актуальными направлениями исследований авторов, чья жизнь и судьба неразрывно связаны с философией.

*Е.Н. Викторук,
ответственный редактор выпуска*

РАЗДЕЛ 1

ЭТИКА: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ И ПРАКСЕОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

1.1. Е.Н. Викторук

НЕКЛАССИЧЕСКАЯ ЭТИКА В.П.АСТАФЬЕВА

*Не только коллеги по цеху – литераторы –
оглядывались на слово и дело Астафьева.
Не только для них служил он живой совестью.
И не только они побаивались согрешить
лишний раз перед его единственным
оставшимся с войны, но всевидящим оком.
Властители, политики, бизнесмены шли к
нему на поклон, особенно последние полтора
десятилетия. Но - много было званных,
да мало избранных.*

Борис Панкин

Монография «Неклассическая этика В.П.Астафьева»¹, отрывки из которой вошли в содержание этой публикации, – представляет собой попытку осмысления реальных процессов, происходящих сегодня в теории и практике морали. Процессы эти сложны, разнообразны и еще слабо просматриваются в силу их близости к исследователю. Мораль как система норм и принципов, определяющих поведение человека и смысл его жизни, является основой общества, фундаментом социума, поскольку именно мораль делает человека человеком. Но фундаменты не вечны, они подвержены изменениям, и жизнь показывает, что иногда фундаменты менее долговечны, чем опирающиеся на них строения. Смена фундамента – дело очень сложное, когда речь идет о строительстве. Если же речь о смене «социальных» фундаментов, то сложность перестройки не просто усложняется во сто крат, но она приобретает судьбоносное значение.

Этику как систему моральных практик, как живые связи между индивидами и социальными группами можно смело назвать фундаментом общества. Этические системы, вошедшие в историю человеческой культуры и официально поддерживающие тот или иной социум, определены нами как классические. Одновременно с ними сосуществуют «неклассические» системы морали, способные взять на себя функции официальной, «профессиональной» этики при разрушении последней, в случае ее неспособности удерживать и стабилизировать социальное бытие. Неклассические системы морали держат на себе общество до тех пор, пока не будет сформирована новая этика в качестве

официальных опор нового социального организма. В такие «перестроенные» времена, в эпохи перемен, новая этическая система, как единство морального сознания и моральных практик, спонтанно формируется в иных, «не-этических» сферах теории и практики, таких как психология и экономика, этнология, математика и физика. Математики и психологи, экономисты и медики, опираясь на знания и опыт в своей профессиональной области и на жизненный опыт, обосновывают необходимость добра и альтруизма как космические и вселенские законы, как опоры социального и человеческого бытия. Искусство, в том числе массовое, так или иначе, вынужденно начинает «морализировать». Главное место здесь занимает литература, особенно в России, где традиционно литература несла морализаторскую функцию, в ней искали утешения, компенсации, черпали идеалы и силы для их воплощения.

Российский социум, лишенный фундамента официальной коммунистической морали, «шатает» то в сторону идей русской религиозной философии XIX-XX вв., то в сторону западной этики бизнеса, негармоничной православному менталитету, то в сторону восточной мистики с ее кармой, сансарой и чакрами. «Устойчивость» здания российского общества обеспечивают прочные, в силу своей неофициальности, онтологические глубины народной морали. Такая глубинная, онтологическая этика «просвечивает» в творчестве писателей, художников и других представителей публичных творческих профессий, которые могут быть причислены к неофициальным нравственным авторитетам.

Одно из этих имен – Виктор Петрович Астафьев. То, что творчество Астафьева «насквозь» этично, сомнений не вызывает. Это признается критиками, литераторами, филологами. Императивы православной и общечеловеческой морали, экологической этики достаточно прозрачны в повестях и повествованиях «Царь-рыба», «Последний поклон», «Пастух и пастушка. Современная пастораль», «Печальный детектив», «Затеси», «Прокляты и убиты». Исследовать творчество В.П.Астафьева как неклассическую этику возможно, опираясь на теоретико-методологические посылки, которые изложены в работах «Этика перемен: очерки неклассических теорий морали»² и «Неклассические модели этической аргументации»³. В этих работах выявлены общие для неклассических этик закономерности, которые мы и рассмотрим в спонтанной этике В.П.Астафьева.

«Неклассическая этика» и этический потенциал литературного творчества

Пока Астафьев был на земле и в русской литературе, меня не покидало ощущение духовного порядка.

Съездить к Астафьеву в Красноярск – как причаститься, прочитать его новую повесть или роман – как глаза промыть, заново почувствовать жизнь, ее реальные ценности и заботы.

Олег Табаков

Нравственный потенциал, содержащийся в произведениях В.П.Астафьева, – не в отдельном абзаце, предложении, а «разлитый» по всему полю романов, повестей, рассказов, – наглядно демонстрирует выполнение функций морали за пределами классической академической этики. Глубокое уважение и признание нравственного авторитета произведений В.П.Астафьева во многом обусловлены способом морального воздействия. Этот способ – неявное морализаторство, обращение к совести, понятиям о порядочности, долге, чести происходят на уровне не рационально-логического, а эмоционально-чувственного. Такое неявное, но очень действенное морализирование за пределами академической морально-философской традиции мы относим к неклассической этике. Истинное творчество, оставаясь загадкой для исследователя, влечет постичь тайну воздействия художника на человеческую душу и ее преобразование. Каким образом художник «проникает» не просто в разум, но в самую душу, в сердце человеческое? Как художественное произведение делает душу человека сильнее, чище, благороднее? Ответы на эти вопросы мы пытаемся найти, исследуя феномен этической аргументации в неклассических этиках.

Неклассическая этика лишь недавно стала предметом специального анализа, хотя актуальность и острота этой темы очевидна в самых различных аспектах: научном, социокультурном, педагогическом. Моральное теоретизирование, спонтанное проявление этики в не-этических сферах человеческой практики было и будет всегда: неявное или явное морализаторство несут в себе литература и искусство, народная мудрость, прикладные этики, собственно этический статус которых до сих пор не признан однозначно, и т.д. Как самостоятельные области познания и практики сегодня оформляются трудовая этика, экономическая этика, биоэтика, научная этика.

Неклассические этики бывают ориентированы на различные «волны» восприятия. Этика эмпиристского типа стремится обосновать этику и мораль, основываясь на строгой логике, апелляции к новейшим научным открытиям, эмпирике. Этические системы эстетически-

эмотивистского толка, напротив, обращены к чувствам, эмоциям, интуиции. Такую спонтанную этику мы находим в эпосе, народных сказках, в детективах, фантастике, высокой поэзии. Выразительные примеры спонтанной этики эстетически-эмотивистского типа – эпос Гомера и Гесиода, творчество Л.Н.Толстого и Ф.М.Достоевского. В нашем исследовании мы пытаемся не только констатировать факт этической составляющей в творчестве тех или иных писателей, но раскрыть механизм их моральной проповеди с целью обогащения классической этики.

Талант писателя как морального проповедника состоит в том, чтобы «нужные» слова вложить в уста «нужного» героя в «нужных» условиях и в «нужной» языковой форме. Например, зять участкового милиционера Сошнина, кажется, не главный герой «Печального детектива», произносит не пламенную тираду, а всего несколько слов: *«На фронте, Левонид, слова ничё не стоят, потому как на краю ты жизни»*⁴, но в словах этих – суть неклассической этики: порядочность, человечность, добро – не в словах, они в душе и поступках человеческих. Этот немногословный человек своей жизнью, абсолютно невыдающейся, демонстрирует то, что мы можем видеть во всех произведениях В.П.Астафьева: человек всегда «на фронте», на войне человеческого и нечеловеческого, которая непрерывно идет в каждом из нас. В делах, а не на словах мы каждый час ведем войну со «скотским», неразумным, инстинктивным в плохом смысле этого слова, бездуховным... войну внутри себя. Героизм и высокая нравственность на деле, а не на словах состоят в том, что дома порядок и чистота, скотина накормлена, а навоз вычищен, дети сыты и обихожены. И если собственная жена выбрала иной путь – путь крикливого ведения ко всеобщему счастью коммунизма, то кто же, как не более умный и ответственный, ее муж, возьмет на себя бремя сохранения пусть не гармонии, но хотя бы МИРА в доме.

Гармония образа, слова и поступка в прекрасном художественном тексте выполняют функции воспитания, компенсации, очищения и прощения, когда читатель один на один с писателем, один на один с собой. *«Гори, гори ясно, чтобы не погасло! – заливались во тьме голоса, и чем далее уходил день, чем глубже становился вечер, чем плотнее подступала темная ночь, тем они громче звенели, захлебываясь теплым духом лета, плывущей из леса смесью запахов: хвои, цветов, трав, папоротников и какого-то пьянящего дурмана, ощутимо реющего над селом...Теперь-то я знаю: самые счастливые игры – недоуверительные, самая чистая любовь – недолюбленная, самые лучшие песни – недопетые. И все-таки, грустно, очень грустно и жаль чего-то»*⁵.

Классическая этика – это этические системы, во-первых, ставшие достоянием философской академической и этико-педагогической традиции, это «образцы» этической теории и практики, а во-вторых, это учения (концепции), круг проблем которых действительно представляет собой моральную философию – этику. Но история философии и этических учений не закончена, и скорее всего авторы современных постклассиче-

ских и постнеклассических этических систем со временем станут классической.

Неклассическая этика – это спонтанно формирующиеся системы морали, включающие в себя ценностно-определяемые практики личности и общества, морально насыщенные выводы и рассуждения, выполняемые вне этики как профессионально-академической сферы; это моральное теоретизирование, использующее экзистенциалы и экзистенциальные понятия в качестве языковых единиц и опирающееся на неклассический идеал рациональности; это теории, обладающие огромным убеждающим влиянием в отношении морально-этических ценностей и способов их достижения. Творчество В.П.Астафьева вполне соответствует данному определению. Но для обоснования данной гипотезы еще предстоит определить: к какой историко-генетической фазе относится данная спонтанная этика и выявить ее тип; выявить, как она функционирует в качестве «этики-для-общества»; рассмотреть ее язык (моральные суждения и этические экзистенциалы).

Динамика моральных стандартов в спонтанной этике В.П.Астафьева

Надвинулась на человечество вообще... трагедия на нас, вчерашних деревенских, переселившихся в город. Мы не обрели облика и морали городской но потеряли деревенскую. Какую-то часть зла, способность к деревенской сварливости мы сохранили, но лучшее, что было в деревне – веру в Бога, почтение к родителям, почтение к покойным предкам – мы утратили в этом пути.

И многое, многое другое утратили....

В.П.Астафьев. О чем ты плачешь, ель?

Тема, о которой В.П.Астафьев говорит очень много: это трансформация моральных ценностей. Что происходит с обществом, с человеком, с его душой? *«Что это за человек появился, который может развести огонь на кладбище из крестов и оградок, срубить лес и бросить его, уронить и не поднять двадцать копеек? Где он вырос? Чей он хлеб ел?»*⁶

Вопрос не новый, поскольку общество переживает смену моральной парадигмы в связи с глобализацией, а российское общество – еще и изменения в духовной сфере, обусловленные экономическими и социально-политическими реформами. Боль за крушение истинных ценностей, таких как вера, семья, любовь, достоинство, трудолюбие др., – с одной стороны, уникальная, как боль за русский народ, за его будущее. Но, с другой стороны, это ситуация типичная как для истории морали, так и для истории этических учений.

1. Этика: экзистенциально-феноменологический и праксеологический дискурс

В истории морали специалисты выделяют основные эпохи:

-«естественная» мораль традиционного общества;

-«рациональная» мораль общества Модерна (индустриального общества);

-«пострациональная» мораль общества Постмодерна (постиндустриального, информационного, общества «третьей волны»).

Моральные стандарты, присущие данным эпохам, изменялись, и смена их виделась как трагедия. Мораль традиционного общества сформировалась в условиях общей застойности, малоподвижности всего социума, которому были присущи рутинные методы производства, натуральное хозяйство, едва заметные социальные перемещения, опосредованность отношений производства органическим и ограниченным коллективом (будь то сельская община, городская коммуна, каста, цех, гильдия, приход). Моральный климат таких обществ характеризуется следующими чертами: сплоченность, неформальные связи, инерция укоренившихся видов деятельности, господство наследуемого опыта.

Индивиды, живущие в таких микрокосмах, принимают условия своего существования не как отчужденные, а как само собой разумеющиеся, поэтому они почти не стремятся их преобразовать, как-то улучшить или обновить. В традиционных социумах довлеет ориентация на прирожденный, а не на обретаемый в результате личных достижений статус. В «верхах» таких социумов практиковались кастовые кодексы великодушия и щедрости, в корне отличные от кодексов деловой этики, ориентированных на расчетливость и хозяйственную эффективность. Для традиционной морали свойственны поведенческие нормы и правила **сословного и общинного солидаризма**, обеспечивающие бесперебойное функционирование социальных институтов.

Читая «Последний поклон» В.П.Астафьева, можно видеть, как происходит смена моральных ценностей и императивов за несколько десятилетий на примере одной деревни. Бабушка Катерина, дед Илья – носители и охранители «естественной» морали. Описание быта традиционной деревни позволяет нам увидеть как сильные, так и слабые стороны этой морали. Сильные - взаимное уважение, вера, трудолюбие, забота о ближних. Слабые – отрицание перемен, новаций, ограниченность кругозора, неумение и нежелание изменять свой уклад жизни, формы деятельности и т.п.

Рассказ «Гори, гори ясно», повествующий об особенностях русской народной игры, игры сибиряков, деревенской молодежи, позволяет увидеть трансформацию моральных доминант. *«Их было много, тех далеких деревенских игр, и все они, будь то игра в бабки, в чижа, в Солону, в лапту, в городки, в свайку, в прятки – требовали силы, ловкости, терпения»⁷.*

Астафьев начинает с описания игры в бабки. Бабки готовились из вываренных говяжьих костей и составляли богатство игрока. В рассказе подробнейшим образом описывается форма, цвет, виды бабок, техноло-

гия их приготовления. Самой игре посвящены строки, где величайший эмоциональный накал астафьевского слова делает нас зрителями и почти участниками этих игр, вспоминая о которых *«вздрагивает и сильнее бьется мое сердце, обмирает нутро от знобящее-восторженного предчувствия победы, которая непременно следовала, если не следовала, то ожидалась в конце всякой игры»*⁸.

Безнравственное поведение в игре - жульничество, «колдовство», кража, разбой – осуждались всеми, «деревенская жизнь вся на виду, никуда не скроешься». *«Отторгнутые от честной игры, налетчики организовывали свой кон, но там уж добра не жди – рвачи играли рвачески, брали не мастерством, нахрапом больше. Кто-нибудь из совестливых малых, захваченный волной разбоя, минутой слепой стихии, долго такой жизни и бесчестья не выдерживал, приносил бабки к «чистому» кону, покаянно их вытряхивал»*⁹. За нечистую игру следовало отлучение от честной, открытой игры. Общественное мнение в данном случае работало как безотказный моральный регулятор.

Игра в бабки была серьезной традицией, в ней закреплялись определенные стереотипы и этические императивы. Юные игроки принимались в игру по всем правилам «отбора», перенимая у старших правила поведения. Ставшие взрослыми парни, прощаясь с детством, устраивали последнюю «показательную» игру. *«Был праздник Благовещения... Деревня гуляла ...какая шла игра! Без жульничества, без споров, ора, гама, потасовок. Бабки принесены не под рубахами, не в дырявых карманах, а в мешочках, корзинках, старых пестерях и туесах... Били парни, как и мы, соответственно характеру и умению... Играют парни с подковыром, с присказками...»*.

Рассказ пронизан всеми переживаниями, свойственными настоящей игре: надежды, страха, отчаяния, азарта, радости победы. *«Нагруженный бабками, со слезливым желанием всех обнимать, ввалился я в нашу избу и рассказывал, рассказывал бабушке о том, что творилось на гумне, какой я теперь богатый. Бабушка слушала, думая о чем-то своем, кивала и тихонько уронила наконец: Почитай людей-то, почитай! От них добро! Злодеев на свете щепотка, да и злодеи невинными ребятишками родились, да середь свиней им расти выпало, вот они свиньями и оборотились»*¹⁰.

Однако время веяло вперекос этим словам, пишет В.Астафьев, «в тридцать третьем году наши солдатики-бабки стыдливо, потихоньку были испарены в чугунках, истолчены и съедены», голод 1933 года в Сибири не был таким ужасным, как в центральной России, но он внес свои коррективы во взрослую жизнь, в детские игры, в этику межличностных отношений. *«После тридцать третьего скота в селе велось мало, бабка стала исчезать. Все чаще и чаще вместо бабок под панок или рюшку ставилась денежка, две, пятачок, игра сделалась корыстной, стало быть, и злой»*.

Появились игры «на деньги» – в чики. *«Скоро чика нас увела от бабок, и остались они забавой безденежной косорылой братве, еще не достигшей сноровистого возраста и неспособной зашибать копейку».* А деньги добыть было непросто. Кто-то стремился подзаработать мелкой подработкой, *«иные парнишки начали шариться по карманам родителей, мухлевать со сдачей в лавке, тащить на продажу, что худо лежит, приворовывать друг у дружки. Ребята сделались отчужденней, разбились на шайки-лейки, занялись изготовлением ножей, поджигов-пистолей, и стыдились не только ввязываться в игру с бабочниками, даже и вспоминать стыдились о том, что когда-то могли забавляться такой пустяковой и постыдной игрой»*¹¹.

Пришли иные игры и забавы, которые калечили детей, «оставляли их без пальцев либо без глаза», с опаленными бровями и запорошенными порохом лицами. Об этих играх, говорит писатель, мне рассказывать не хочется.

Что стало с ценностями «естественной морали»? Это вопрос, который постоянно явно и неявно звучит в творчестве Астафьева. Почему «уют» и понятность бытия в доме бабушки Катерины и деда Ильи (взять на воспитание осиротевшего ребенка, подарить ему всю возможную любовь и заботу) не может найти продолжения в семье отца. Почему так «легкомысленно» относятся к ребенку, оставшемуся «без приюта» другие бабушка и дед в Игарке? *«Они, дед и бабушка, догадывались о моей беде, но прятались прежде всего от дядьев – те не понимали, что со мной, где я живу, шуточки пошучивали, о гульбе думали... Все заняты собою. У всех свои заботы. И у меня тоже. Главная из них: чего завтра пожрать?»*¹⁶.

А здесь, в Заполярье, традиционная мораль практически исчерпала себя, здесь господствует «рациональная» мораль общества индустриального, общества Модерна. Моральные стандарты «естественной» морали претерпевают коренные изменения: место сплоченности и коллективизма занимает **индивидуализм**; неформальные связи утрачивают свое значение, перерастая в **«отчуждение»** и **формализм**; на смену закреплению укоренившихся видов деятельности приходит **стремление к новому опыту**, экспериментаторству, новаторству; традиционализму моральных норм и принципов противопоставляется релятивизм моральных стандартов, **моральная «гибкость»**.

Новаторство, «моральная гибкость», экспериментаторство прекрасно показаны в поведении подростков, оставшихся «без приюта». Воровская профессия в этом смысле, – одна из творческих. Обоснование воровства просто философски звучит в устах Кандыбы: *«Работа наша давняя и трудная очень... Я так кумекаю: человек токо-токо научился мозгой шевелить, тут же сообразил – чем спину гнуть из-за еды, легче ее украсть, отобрать у младшего, лучше – у соседа. Но по брюху, по брюху надо брать. Обратно разница: кто почему ворует? Один от голодухи, другой из интересу, от жадности – того смертно*

бить. Но лупят всеш-ки нашего брата, голодранца... безопасней». Эксперимент с освоением новой профессии не очень удался. «Посулился Кандыба за короткий срок сотворить из меня карманника, чтоб, если один завалится, не доходить с голоду. Дело с обучением сразу потерпело крах – после первой же попытки «пощупать кошелек» я попался. Меня били на крыльце магазина. И ладно, большинство игарских граждан обуты оказались в оленьи бакари и валенки, а то бы мне все ребра переломали». Но «экспериментаторство» продолжается, если «интеллигентный воровской труд» не по плечу, – занимайся кражей казенного имущества. «Из лесокмбинатовского клуба увел я красную скатерть, графин и еще балалайку... Кандыба вынюхал где-то склад с мясом, нас не очень-то занимало, для кого «для кого добро плохо положено», нам требовалась пища – и весь разговор»¹³.

В мире, где маленький человек чувствует себя «всеми преданным», переворачиваются буквально все прежние ценности. Еще один пример этических трансформаций – отношение к учителю. В книге первой «Последнего поклона» семья деревенского учителя не раз становится предметом внимания. Учитель для традиционной этики – в личном и профессиональном плане – персона уважаемая: стоит только вспомнить строки из «Фотографии, на которой меня нет», о том, как бабушка Катерина встречала школьного учителя как самого дорогого гостя. *«Уважение к нашему учителю и учительнице всеобщее, молчаливое. Учителей уважают за вежливость, за то, что они здороваются со всеми к ряду, не разбирая ни бедных, ни богатых, ни ссыльных, ни самоходов. Еще уважают за то, что в любое время дня и ночи к учителю можно прийти и попросить написать нужную бумагу. Пожаловаться на кого угодно: на сельсовет, на разбойника-мужа, на свекровку... Тишком, бочком просочатся деревенские бабы в избу учителя и забудут там кринку молока либо сметанки, творогу, брусники туесок... Учителя были заводилами деревенского клуба. Играм и танцам учили... на свадьбах бывали почетными гостями, но блюли себя и приучали несговорчивый в гулянке народ выпивкой их не неволить»¹⁴.*

Это отношение к учительскому труду, как самому возвышенному и почитаемому, в «иной», игарской жизни переворачивается, в подробном описании избиения учительницы прямо в классе. Астафьев–художник рисует ситуацию от лица завшивленного, голодного подростка, лишённого заботы, понимания и элементарных бытовых условий. Бессовестность, безнравственность этой ситуации состоит в том, что маленького человека, чьи представления о собственном достоинстве и без того весьма призрачны, подвергают унижениям в школе – заведении, ориентированном на воспитание гуманных ценностей. *«Я стоял у доски по команде «смирно!». Ронжа поцокивая каблуками,.. обзывала лоботрясом, идиотом и тому подобными словами, стоящими на подходе к матюкам... То, что я не огрызался, прикемаривал на глазах у всего класса, распаляло учительницу, уязвляло пуще всякой наглости». В слепом*

обозлении учительница переходит границу, бьет ученика по лицу, и получает неожиданный отпор существа, в котором вдруг просыпается достоинство человека. *Узнай, стерва! Проникнись! Тогда иди учить. Тогда срами, если можешь. За голод, за одиночество, за страх... – за все по-лосовал я не Ронжу, нет, а всех бездушных, несправедливых людей на свете.* (Рассказ «Без приюта»). В своих рассказах и повестях В.П.Астафьев достаточно часто говорит о том, как стыдно ему было или стыдно теперь за тот или иной поступок, но в деталях описывая, как ученик избивает учительницу, он говорит: «... за этот – не стыдно!»¹⁵.

В условиях становления индустриально-урбанистической цивилизации люди попадают в макромир «большого» социума, где теперь уже «рациональная» мораль формирует свои системы ценностей: ориентацию на успех, ценности материального достатка, ценности гражданских прав и свобод и т.п. Мы привели лишь несколько примеров из произведений В.П.Астафьева, когда ценности в развитии морали одной эпохи превращаются в свою противоположность, отрицаются другой эпохой: отношение «учитель-ученики»; отношение к игре и в игре; отношение к собственности. На наших глазах стандарты «естественной» морали традиционного общества и «рациональной» морали общества Модерна претерпевают изменения в связи с переходом общества в фазу глобализации, с развитием постиндустриального общества. Мораль глобализирующегося общества называют «пострациональной» моралью, моралью общества Постмодерна.

Пострациональную мораль связывают с «хаотизацией» ценностей в современном мире; с расшатанностью их прежней иерархии, с многозначностью связей между целями, средствами и результатами поступков, с девальвацией роли института моральных авторитетов, с изменением содержания моральных терминов, с трансформацией смыслов самого языка добродетелей и пороков, «его банализацией и примитивизацией» (В.Бакштановский, Ю.Согомонов). Мораль современного мира – шумная ярмарка, где выставлены на продажу ценности разных эпох, цивилизаций и культур, где во множестве рождаются причудливые гибридные моральные языки и практики¹⁶.

В своих произведениях, и особенно в «Царь-рыбе», Астафьев отражает, искренне недопонимая, что же происходит с человеком в хаосе смены моральных стандартов. Критики не зря говорят о том, что в этом повествовании нет положительного героя. «На ярмарку» поведенческих моделей выставлены и герои боганидской артели, и геологи, и коренные жители Севера, и те, кто приехал сюда по своей и не по своей воле. Характеры героев Астафьева такие разные: рациональные и жестокие, готовые любить всех и крайне непрактичные, целеустремленные и ленивые. Они по-разному одеты (в непонятную «городскую» одежду и в практичное и грубое одеяние таежника), они по-разному говорят, они верят в разные идеалы. Этика как система моральных практик проявляет себя во всем: в способах обработки и употребления пищи, способах отноше-

ния мужчины и женщины, в умении обустроить свое жилище, воспитывать своих детей и т.п.

Астафьев честен в том, что не делает скоропалительных выводов: переход к ценностям и моральным стандартам пострациональной морали только начинается, и что там будет, сказать трудно. Расшатанность нравов означает не только хаос в мире ценностей, а растянутый во времени многосторонний и трудный процесс обновления нормативно-ценностной системы данной цивилизации, накопления порожденных ею позитивных тенденций в нравственной жизни, с которыми связаны обнадеживающие перспективы.

«Пострациональная» мораль побуждает к ревизии установившихся взаимоотношений между ценностями делового, профессионального и жизненного успеха, в ее лоне формируются новые доминанты – экологические, неоasketические, неогалитаристские, коммуналистские, локалистские и др., что делает аксиологическую сферу еще более хаотичной, мозаичной и пестрой. В творчестве Астафьева отражается этот процесс проявления гипернорм, сочетания моральных стандартов различных сообществ и человечества в целом.

Одной из «вечных» моральных ценностей в творчестве Астафьева выступает семья. *«Экая великая загадка! На постижение ее убуханы тысячелетия, но так же, как и смерть, загадка семьи не понята, не разрешена. Династии, общества, империи обращались в прах, если в них начинала рушиться семья, если он и она блуждали, не находя друг друга. Династии, общества, империи, не создавшие семьи или порушившие ее устои, начинали хвалиться достигнутым прогрессом, бряцать оружием; в династиях, империях, обществах вместе с развалом семьи разваливалось согласие, зло начинало одолеваеть добро, земля разверзалась под ногами, чтобы поглотить сброд, уже безо всяких на то оснований именующий себя людьми». Да, семья может быть разрушена «естественным ходом жизни», но Человек всегда имеет семью»¹⁷.*

Основные черты неклассической этики

В.П.Астафьева

Такие книги, как «Царь-рыба» производят душевные потрясения, становятся фактом духовной жизни, источником удивления и радости. «Царь-рыба» – праздник жизни. Великая сибирская река и река времени текут не по книжным страницам – их движение проходит через наше сердце, по нашим сосудам.

Виталий Семин

Традиционно в структуре историко-этического знания выделяются такие хронологические отрезки, как Античность (в самом широком смысле этого слова, то есть и учения Древнего Востока), Средние века, Воз-

рождение, Новое время, современность¹⁸. Каждый из этих периодов, в свою очередь, может быть разделен на составляющие (этапы), которые условно можно обозначить так: «предэтика» – спонтанное появление новой этической системы (систем); этап «просвещения» (или «экспансии») – распространение и популяризация идей формирующейся этики сторонниками и учениками новой этической системы; период систематизации – переход данной этической системы в статус классики; «схоласстика», доводящая до предела (иногда до абсурда) те положения, которые были постулированы «пред-этикой» как прогрессивные, новые, истинные; постклассическая этика – попытки ре- и де-конструкции идей данной этической системы.

Последний этап в социальной истории хронологически накладывается на этап пред-этики новой этической системы. Первый и второй этапы в данной схеме являются **«доклассическими»**, третий и четвертый – представляют **классическую** этику, и пятый этап – **постклассическая** этика.

Отличительными чертами этических систем, находящихся на **первом этапе** развития – на этапе пред-этики – являются следующие:

- 1) яркое авторство данной теории, поскольку создатель новой этики сам проповедует ее, обосновывает как теоретически, так и практически – своим собственным образом жизни, своей судьбой;
- 2) мифотворчество как структурирование бытия в единстве новой системы категорий: предэтики задают новую моральную парадигму внутри целостно описываемого мироустройства; в связи с этим язык предэтик, формируемый в рамках нового «мифа», содержит в себе прототермины¹⁹ (первотермины), слова-программы, являющиеся этическими экзистенциалами и экзистенциальными понятиями новой этики;
- 3) энергичность, «воля к мощи», увлекающие новыми этическими императивами, звучащими непосредственно от лица Автора данной этической парадигмы;
- 4) диалогический стиль изложения идей новой этической парадигмы (в отличие от «монологизма» классических этик) и «партнерский» характер процесса морального просвещения и воспитания (в отличие от «патерналистской классической модели»);
- 5) преимущественно устный характер изложения (живая ораторская речь), стремление избежать объективации данных идей в тексте.

На наш взгляд, спонтанная этика В.П.Астафьева является хорошей иллюстрацией предэтики. Этико-социальные императивы предыдущей классической этической системы (этики строителя коммунизма) уже проявили свою ущербность и неэффективность, а потому нещадно критикуются. Но новые моральные стандарты еще очень слабо прослеживаются или практически невидны. Поэтому в предэтиках моральные стандарты, как правило, минимизированы до двух-трех наиболее общих принципов, в которых «сконцентрирована» ВСЯ человеческая мораль.